

III.

Польская армія.

Польская знать представляла отличный матеріалъ для кавалеріи, которая только что доказала свои достоинства подъ Венденомъ. Однако, было вѣроятно, что русскіе воспользуются новымъ опытомъ и будутъ ждать поляковъ подъ защитой своихъ крѣпостей. Что касается польской пѣхоты, то, по свидѣтельству польскаго историка, Длугоча, можно заключить о ея существованіи съ начала XV вѣка. Однако, эта незначительная войсковая часть едва достигала 2,000 человѣкъ, и была вооружена только пиками. Баторій далъ ей болѣе современное вооруженіе: мушкеты, сабли и топоры, а также утроилъ ея численность, призвавъ въ свои ряды крестьянъ, принадлежавшихъ коронѣ. Тотъ, кто шелъ добровольно, освобождался отъ всѣхъ повинностей. Въ добровольцахъ не было недостатка. Они отличались большой храбростью, а нѣкоторые изъ нихъ обнаружили чудеса героизма. Кромѣ того, король имѣлъ около 5,000 человѣкъ венгерской пѣхоты, польскій отрядъ, обмундированный по венгерски и составленный изъ нестроевыхъ, и еще одинъ отрядъ, набранный изъ рядовъ знати. Эти силы онъ подкрѣпилъ различными вспомогательными отрядами того же оружія: нѣмцами, организованными въ большіе карре, шотландцами, казаками. Въ кавалерію онъ ввелъ нѣмецкихъ и польскихъ пицальниковъ. Общее количество такъ организованнаго войска, вклю-

чая литовскія силы, не превышало 20,000 человекъ. Надо отмѣтить, что, несмотря на извѣстное стремленіе къ самостоятельности, Литва, по крайней мѣрѣ, ея знать, наполовину русская и православная, въ этой войнѣ была всѣмъ сердцемъ на сторонѣ Баторія. Съ этимъ согласны даже русскіе историки (*Литва* Великое княжество Литовское въ 1569—1586 гг. Петербургъ 1901 г., стр. 179). Братскій народъ далъ то, что онъ имѣлъ: нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые представляли неоцѣненную силу—особенно въ зимнее время. Лучше перенося ужасный климатъ, съ которымъ должна была бороться польская армія, а также менѣе удаленные отъ своихъ очаговъ, литовцы представляли серьезный противовѣсъ дезорганизациі главной арміи. Эта армія была лишь горстью людей, но она была первой арміей такого рода и такого качества въ славянской землѣ. Въ ней въ большомъ количествѣ были чужеземцы, но въ XVI вѣкѣ въ этомъ не было ничего исключительнаго. Въ сраженіи при Дрѣ армія Гиза насчитывала въ своихъ рядахъ 12,000 нѣмцевъ, швейцарцевъ и испанцевъ при 6,000 французовъ. Такой же составъ былъ и въ арміи противниковъ.

Слабое мѣсто поляковъ въ этой и послѣдующихъ войнахъ было сильной стороною ихъ противниковъ. Мы имѣемъ въ виду артиллерію. Какъ ни старался Баторій набрать въ Германіи и даже Италіи литейщиковъ пушекъ, какъ ни просилъ онъ у Курфюрста Саксонскаго осадныхъ орудій и артиллерійскихъ матеріаловъ, его артиллерія все время была недостаточной, а количество артиллеристовъ въ 1580 году не превышало 73 человекъ, въ слѣдующемъ же году оно упало до 20.

Послѣ этихъ расчетовъ ясно, что королю надо было много смѣлости, чтобы начать кампанію, которую онъ имѣлъ въ виду, съ такими средствами. Вѣдь дѣло шло уже не о повтореніи Венденскаго сраженія и не о продолженіи въ Ливоніи обманчивыхъ враждебныхъ дѣйствій. Въ этой странѣ, истощенной пятнадцатилѣтней непрерывной войной, земля уходила изъ-подъ ногъ соперниковъ. Призрачныя арміи оспаривали тамъ призрачныя побѣды. Въ этой пустынѣ, усѣянной развалинами, не было никакой возможности добиться въ будущемъ опредѣленнаго успѣха и даже вести болѣе или менѣе продолжительную кампанію. Сигизмундъ-Августъ уже въ 1562 году разсудилъ, что ключъ отъ этой провинціи въ другомъ мѣстѣ, что его надо искать въ Москвѣ, напавъ на главнаго соперника въ его жилищѣ. Но у него не было средствъ, чтобы выполнить этотъ смѣлый наступательный планъ.

Теперь на это рѣшился Баторій; онъ задумалъ сдѣлать нашествіе на Москву въ этой рѣшительной борьбѣ, гдѣ ставка превысила первоначальный предметъ спора.

Борясь за Ливонію, на самомъ дѣлѣ, боролись изъ-за власти надъ сѣверовостокомъ, изъ-за захвата или сохраненія гегемоніи надъ славянскимъ міромъ.

Въ этомъ предпріятіи Польша могла разсчитывать только на самое себя. Швеція заключила съ ней союзъ только для Ливоніи и въ Ливоніи. Въ новомъ планѣ Баторія она видѣла лишь средство развязать себѣ руки. Стремясь держаться только буквы договора, они намѣревались безъ участія Польши сдѣлать свое дѣло. Предупрежденная Данія также уклонилась: ея отношенія съ Иваномъ становились миролюбивыми. Ханъ предложилъ свою помощь. Онъ обѣщалъ двинуть своихъ татаръ въ августъ 1578 г. и тѣмъ не менѣе не пошевелилъ пальцемъ. Баторій посвятилъ въ свой проектъ великаго визири Магомета Соколли, но знаменитый полководецъ далъ ему обезкураживающій отвѣтъ: царь страшнѣе и во всемъ мірѣ съ нимъ можетъ помѣриться только одинъ султанъ. Такимъ образомъ, и султанъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ.

Впрочемъ, безъ сомнѣнія, король предвидѣлъ эти неудачи и сообразно съ этимъ строилъ свои расчеты. Оставалось выбрать пунктъ атаки. Литовцы хотѣли, чтобы Баторій шелъ на Псковъ. Дѣло въ томъ, что, достигнувъ Пскова, поляки преградили бы единственный путь, въ то время соединявшій Московское царство съ Прибалтійскимъ побережьемъ. На сѣверѣ сообщенію препятствовало большое количество озеръ, на югѣ же непроходимые лѣса, болота и рѣки. Но для того, чтобы подойти къ Пскову, надо было пересѣчь Ливонію и доканать страну, которую хотѣли пощадить, либо двинуться по русской территоріи и оставить у себя въ тылу рядъ крѣпостей и незащищенную Литву. Баторій рѣшилъ свое первое усиліе направить на Полоцкъ. Расположенный на Двинѣ, этотъ городъ въ извѣстной, степени, командовалъ надъ путями, ведущими въ Ливонію и Литву. Недавно оторванный отъ Польши, онъ заслуживалъ первой очереди. Оттуда рѣшено было итти на Псковъ.

Остановившись на этомъ планѣ, великій венгерецъ сдѣлалъ чудо. Онъ удачно выбралъ Свирь мѣстомъ концентраціи, такъ какъ здѣсь можно было до послѣдняго момента скрыть истинную цѣль экспедиціи. Онъ искусно распредѣлил свои силы между дорогами, веду-

щими къ этому мѣсту соединенія. Онъ съ большимъ умѣніемъ произвелъ фланговое движеніе отъ Свира къ Диснѣ, въ то же время прикрывая Вильну и обозы, сопровождавшіе главную армію. Онъ остроумно воспользовался водными путями и плашкоутными мостами для переправы большихъ грузовъ. Специалисты возражали, что система дѣйствій на коммуникаціонныя линіи противника изобрѣтена въ Европѣ только въ концѣ XVII вѣка. Можетъ быть. Но изобрѣтатели методовъ часто идутъ въ хвостъ людей практики.

Впрочемъ, Баторію не удалось осуществить свой планъ, какъ онъ его задумалъ. Соединеніе въ Свирѣ было фиксировано на 4-ое мая 1579 г. Но, не смотря на энергію, которую обнаружилъ король, съ этимъ все-таки опоздали. Не было ни денегъ, ни снабженія, ни войска. Ради этого и пословъ московскихъ перевозили изъ города въ городъ, водили съ одной аудіенціи на другую и отпустили только въ іюнѣ мѣсяцѣ. Тогда только польскій курьеръ отвезъ въ Москву формальное объявленіе войны. Нѣсколько дней спустя, Баторій началъ кампанію. Армія перешла съ нимъ Дисну по плашкоутному мосту, сооруженному въ теченіе 3-хъ часовъ. Въ ней было съ польской стороны 6,517 всадниковъ, изъ которыхъ 1,338 были нѣмцы и венгры, и 4,830 пѣхотинцевъ, изъ которыхъ нѣмцевъ и венгровъ насчитывалось 3,451 человекъ; въ литовскомъ отрядѣ было 40,000 всадниковъ. Среди иностранныхъ офицеровъ находился Георгъ Фаренсбахъ; нѣкогда полковникъ датской службы, онъ еще недавно состоялъ воеводой на службѣ у царя. Его совѣты, конечно, принесли большую пользу. 15,000 человекъ безъ гарнизоновъ и резервовъ—вотъ и все, чѣмъ располагалъ Баторій, чтобы вторгнуться въ громадное Московское царство и подчинить его своей власти.

Съ польской стороны начало кампаніи во всѣхъ отношеніяхъ соответствовало европейскимъ нравамъ той эпохи. Прежде, нежели заставили говорить ружья и пушки, истратили много чернилъ—даже типографскихъ. Объявленіе войны, отправленное Баторіемъ, было предварено длиннымъ историческимъ введеніемъ, начиненнымъ датами, дипломатическими текстами и фѣдкими замѣчаніями. Не забыли даже Пруса, знаменитаго брата цезаря Августа, отъ котораго Иванъ пытался вести свое происхожденіе.

Есть брошюра, весьма неточно воспроизводящая этотъ документъ. Она опубликована въ Нюренбергѣ въ 1580 году и сохранилась въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Она содержитъ

виньетку, которая изображает посла Баторія, Венцеслава Лопацинскаго, выполняющаго свою миссію: съ обнаженной саблей за поясомъ, этотъ дворянинъ вызывающимъ жестомъ протягиваетъ письмо царю. Картина эта такъ же фантастична, какъ и текстъ, сопровождающій ее, недавно исправленный аббатомъ *Польковскимъ* (*Acta historica*, Краковъ 1887, XI, 162). Иванъ не допустилъ къ себѣ Лопацинскаго. Баторій, желая произвести впечатлѣніе своей деклараціей, рассчитывалъ главнымъ образомъ на гласность. Онъ приказалъ отпечатать ее по-польски, нѣмецки и венгерски, на станкахъ, которые сопровождали его втеченіе всей кампаніи. Въ Свирѣ, куда онъ прибылъ 12 іюля 1579 года, онъ къ тому же выпустилъ манифестъ, предназначенный, безъ сомнѣнія, по его замыслу, оправдать его предпріятіе и примирить съ нимъ общественное мнѣніе—какъ внутри страны, такъ и за границей. Никогда еще военачальникъ въ подобнаго рода документахъ не вдохновлялся столь благородными идеями: здѣсь были обѣщанія уважать личность, собственность и привиллегіи мирнаго населенія; здѣсь король обязывался запрещать и подавлять всякаго рода насиліе. Здѣсь были всѣ формулы, вполнѣ сдѣлавшіяся банальными и, увы, столь же лживыми! Въ то время онѣ были новинкой, которой Польша XVI вѣка имѣла право гордиться. Точно также никогда военачальникъ не обнаруживалъ большей заботы найти моральную поддержку въ щекотливой и недовѣрчивой публикѣ. Всѣ послѣдующія событія этой кампаніи стали предметомъ подобныхъ же декларацій. Библіографія той эпохи содержитъ много брошюръ и памфлетовъ, отпечатанныхъ либо официально, либо офиціозно, оцѣнивающихъ и поясняющихъ малѣйшія событія этой борьбы. Эта литература отправлялась въ Польшу, въ Германію, даже въ Римъ, гдѣ посланникъ короля, полоцкій епископъ Петръ Дунинъ Вольскій, перепечатывалъ ее. Не трудно догадаться, что она не отличалась особымъ вниманіемъ къ исторической правдѣ. Она должна была руководить нѣмецкой прессой, усердно старавшейся со своей стороны держать въ извѣстности читателей, жадныхъ до новостей. Одинъ такой легучій листокъ (*Zeitung*), описывающій побѣду Баторія, въ короткое время выдержалъ четыре изданія. Съ 1581 года къ широко использованнымъ средствамъ полемики король присоединилъ строгости цензуры. Одинъ нѣмецкій историкъ (*Hausmann Studien zur Geschichte des Königs Stephan, Derpt, 1889, p. 34* и слѣд.) утверждаетъ, что указъ, изданный въ это время, угрожалъ

смертной казнью авторамъ и издателямъ враждебныхъ сочиненій. Съ этимъ можно согласиться, такъ какъ одинъ памфлетъ, опубликованный въ Краковѣ, вызвалъ такое наказаніе. Въ пользу этого говорить также то, что нѣмецкіе законы о печати того времени не отличались большой мягкостью.

Я отмѣчаю эти подробности, такъ какъ, мнѣ кажется, онѣ необходимы, чтобы обрисовать завязавшуюся борьбу въ ея истинномъ свѣтѣ.

Бросились въ борьбу два народа одной и той же семьи. Но это были, все-таки, два различныхъ міра. Пестрая смѣсь солдатъ всѣхъ странъ, сопровождаемыхъ писаками и типографщиками, была типичной представительницей латинскаго запада. Подъ славянскимъ знаменемъ она повторяла великія восточныя нашествія — только въ обратномъ направленіи. Эта побѣдоносная война можетъ разсматриваться, какъ завѣтъ Польши. Историческое воспроизведеніе ее съ такой точки зрѣнія должно представить большой интересъ.

Манифесты нападающей стороны въ настоящее время не внушаютъ намъ довѣрія. Но Баторій остался вѣренъ своему слову. Никогда война не велась съ большей умѣренностью и съ большей челоуѣчностью по отношенію къ земледѣльцамъ и мирнымъ гражданамъ. Такъ о королѣ свидѣтельствуетъ русскій историкъ Карамзинъ (Ист. Госуд. Росс. IX гл. V). Это же отмѣчаютъ и 2 другихъ документа: циркуляръ 7 мая 1580 г., съ которымъ Баторій обратился къ дворянству Полоцкой земли, и особенно военный регламентъ, примѣненный въ этой кампаніи. Циркуляръ былъ настоящей хартіей, обеспечивающей заинтересованнымъ наиболѣе цѣнныя льготы. Что касается регламента, то онъ запрещалъ убивать дѣтей, стариковъ и духовныхъ лицъ, насиловать женщинъ, уничтожать или даже портить посѣвы, хотя бы для корма лошадей! Этотъ регламентъ примѣнялся не смотря на всякіе эксцессы со стороны русскихъ. Въ русскихъ источникахъ есть упоминаніе о вызывающихъ поступкахъ со стороны московской арміи. Карамзинъ говоритъ объ убійствѣ нѣкотораго числа польскихъ плѣнниковъ, совершенномъ въ началѣ осады Полоцка защитниками города. Трупы ихъ были брошены въ рѣку иплыли по Двинѣ на глазахъ у осаждающихъ. Не смотря на это, польская армія прибѣгала къ репрессіямъ чрезвычайно рѣдко, давая такимъ образомъ міру зрѣлище, въ которомъ наиболѣе цивилизованные народы того времени могли почерпнуть урокъ. Военные судьи, снабженные весьма

широкими полномочіями, сумѣли поддержать въ рядахъ польской арміи строгую дисциплину. Король, не жалѣя самого себя, давалъ всѣмъ лучший примѣръ. Онъ изгонялъ всякій беспорядокъ и ненужную роскошь. Часто онъ спалъ на ложѣ изъ сухихъ листьевъ, ѣлъ на скамьѣ безъ скатерти. Онъ былъ безжалостенъ къ мародерамъ. Въ то же время онъ умѣлъ поддерживать и поднимать мораль своихъ солдатъ, опираясь на религіозное чувство, столь глубокое у массы... Для этого служили даже слова пароля, которые онъ приказывалъ давать имъ. Одинъ разъ пароль былъ: «Боже, прости насъ грѣшныхъ», въ другой же: «Господь наказываетъ злыхъ».

Все это не исключало нѣкоторыхъ жестокостей, употребительныхъ въ то время и считавшихся необходимыми. Такъ, напр., пытали плѣнниковъ, чтобы добиться отъ нихъ полезныхъ свѣдѣній.

Исключительный пылъ, охватившій въ началѣ войны польскихъ воиновъ—какъ благородныхъ, такъ и простыхъ крестьянъ, мѣшалъ предупреденію нѣкоторыхъ отступленій отъ регламента. Этотъ пылъ доходилъ до того, что простые солдаты, разогнавъ коней въ галопъ, ломали свои копья о стѣны осажденныхъ городовъ. Иногда было очень трудно сдержать этихъ сумасшедшихъ. Венгерская пѣхота, искусная въ осадной войнѣ, была первой на приступѣ, но и первой въ грабежѣ. Она часто обнаруживала неповиновеніе. Наконецъ, мятежный духъ польской шляхты въ промежуткахъ между сраженіями обнаруживался въ спорахъ о важности уже достигнутыхъ выгодъ и объ условіяхъ новаго усилія, которое отъ нихъ требовали. Въ общемъ же, принимая во вниманіе, что варварство нигдѣ и никогда не отдѣлялось отъ кровавой игры, именуемой войной, мы можемъ утверждать, что со стороны поляковъ это была, все-таки, благородная война. Лѣтописи XVI столѣтія не отмѣтили ни одной такой же войны.

При одинаковой храбрости противники имѣли совершенно различные фізіономіи.
